

Сергей Никоненко

К вопросу о платонизме в теории логического языка ранней аналитической философии

SERGEI NIKONENKO
PLATONISM IN THE THEORIES OF LOGICAL LANGUAGE
OF EARLY ANALYTICAL PHILOSOPHY

ABSTRACT. The article deals with the impact of Platonism on early analytical logic and epistemology. The analytical philosophies emerge out of a controversy with Platonism and Idealism. The logical theory of naming in Plato's *Cratylus* is of special interest here. The project of an ideal logical language seems to be philosophically grounded in Plato's philosophy. The article focuses on the logical and epistemological ideas expounded in 1900–1940 by B. Russell, L. Wittgenstein, A.N. Whitehead, A. Ayer, P.F. Strawson, etc. In the *Cratylus*, Plato writes on the strong naming of the entities that supposedly have non-logical existence. He assumes the existence of the world of what is "thinkable", or of what we can speak about. Plato's view is congenial to analytical theories of naming and description. Analytical philosophers consider the logical language of mathematical logic (for example, the language of the *Principia Mathematica* or the *Tractatus*) as the "ideal language" because of its apparent Platonist features: generality, universality, rationality, uniqueness, simplicity, etc. The main reason for their criticism of Plato's logic lays in the epistemology of logical grounds. These grounds are facts, not ideas. Analytical philosophers mostly reject the theory of ideas. However, this is not their common view. Frege (theory of the "thinkable") and Whitehead (theory of "eternal objects") are rather congenial to Plato's ontology. Analytical logical language is similar to the language of Plato's logic. It is possible to agree with the interpretation of Russellian, Wittgensteinian and Fregean logic as "mathematical (semantical) Platonism". Platonism and analytical philosophy are different in epistemology, but they are practically identical in logic and philosophy of language.

KEYWORDS: Plato, analytical philosophy, Russell, logic, language, naming, entity.

Главная задача этой статьи — проследить влияние идей Платона на раннюю аналитическую философию и установить то, ка-

© С.В. Никоненко (Санкт-Петербург). serg_nikonenko@rambler.ru. Санкт-Петербургский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 11.2 (2019)

DOI: 10.25985/Pl.10.2.14

ким образом и в каких сферах идеи платонизма отвергались или, наоборот, принимались. Актуальность этой задачи обусловлена тем, что логические теории ранней аналитической философии формируются в ходе полемики с платонизмом и идеализмом. При этом полемика не преследует исключительно целей опровержения; в некоторых ключевых пунктах идеи платонизма заимствуются и подвергаются развитию. Поэтому в литературе об аналитической философии присутствуют диаметрально противоположные оценки: одни авторы считают, что аналитическая философия несовместима с платонизмом, другие же, наоборот, называют логические идеи аналитических философов «математическим платонизмом». Итак, конкретизируем задачу еще раз: проследить влияние идей Платона на логические теории в ранней аналитической философии, установить степень этого влияния, а также основные теоретические позиции, на основании которых идеи платонизма принимаются или отвергаются.

Несколько предварительных замечаний для конкретизации основных понятий:

- Под «платонизмом» (в контексте статьи) мы, по преимуществу, понимаем довольно узкое понятие: теорию языка, предложенную Платоном в диалоге «Кратил».
- Под «ранней аналитической философией» мы понимаем идеи этого направления 1900–1930-х годов, взятые в логическом и эпистемологическом аспекте и представленные такими мыслителями, как Б. Рассел, Дж. Мур, А.Н. Уайтхед, Л. Витгенштейн, А. Айер, П. Стросон и др.
- Особо оговорим место Г. Фреге в контексте статьи. Фреге не является аналитическим философом, но его семантические идеи входят в аналитическую философию как составная часть; поэтому их рассмотрение не только уместно, но и необходимо для решения задачи данной статьи.
- Важно отметить, что идеи Платона воспринимаются в аналитической философии не всегда прямо. Косвенно эти идеи входят в более широкое понятие «идеализм», которое опровергается аналитиками. Философы этого направления рассматривают Гегеля, Брэдли, Гуссерля как «идеалистов», порой отождествляя их логические идеи с идеями Платона.

- Идеи платоновского «Кратила» понимаются в контексте нового философского раздела, зарождающегося в аналитической философии, — философии языка.
- Наконец, отметим, что в аналитической философии не возникает единой трактовки платонизма. При определенном общем сходстве каждый классик ранней аналитической философии понимает и занимает платоновские идеи по-своему. При этом один и тот же философ может трактовать идеи платонизма по-разному в разные периоды своего развития.

Для начала обратимся к тексту «Кратила». Платоновский Сократ ставит вопрос о происхождении и сущности имен, а также о самом процессе наименования. Отметим, что логическая проблематика «Кратила» базируется на априорном допущении, которое платоновский Сократ считает уже доказанным. Приведем это положение:

ясно, что сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность, безотносительно к нам и независимо от нас, и не по прихоти нашего воображения их влечет то туда, то сюда, но они возникают сами по себе, соответственно своей сущности¹.

Теория идей является онтологическим базисом логического учения Платона. Каждая вещь имеет предзаданную *сущность*, являющуюся вечной и неизменной. Как известно, у Платона понятие «сущность» трактуется как онтологически, так и гносеологически. Не углубляясь в тонкости толкования текста «Кратила» (у нас иная задача), выведем в качестве предположения следующее: Платон в «Кратиле» учит о том, что язык (и конкретно — слово в языке) следует принципу строгого описания сущностей, которые, взятые сами по себе, имеют *внелогическое* существование (а в каком-то смысле и вообще существование вне сознания). Тем не менее, переходя к описанию наименования, Платон предполагает наличие особой сферы «мыслимого», или того, что мы можем помыслить, о чем можем сказать. Также Платон выдвигает

¹ *Cra.* 386de. Здесь и далее пер. Т.В. Васильевой.

предположение о том, что имена даются вещам не произвольно, а с точки зрения описания сущности вещей.

Подобная постановка проблемы является конгениальной идеям Фреге и всех представителей ранней аналитической философии. Для Фреге и Рассела чрезвычайно актуальна задача выделения сферы «мыслимого», «осмысленного», а также проблема разграничения понятий «бесмысленное» и «ложное». Для Витгенштейна и Айера важнейшим является вопрос не только о границах «мыслимого», но и о границах самого языка, то есть вопрос: о чем мы можем сказать (имеется в виду: сказать строго и точно, на языке логики)?

В аналитической философии складывается амбивалентное отношение к платонизму. Платонистская основа у Фреге, Рассела, Витгенштейна и др. прослеживается в духе *pro* на глубинном, метафизическом уровне; однако на уровне обоснования языка математической логики тональность, скорее, звучит в духе *contra*. Нам кажется, тому виной вовсе не сам платонизм, а гегельянская философия абсолютного идеализма и феноменология (то есть современный «идеализм» в широком смысле слова), с которыми Фреге и аналитические философы ведут ожесточенную идейную борьбу. К примеру, для Рассела Платон оказывается своеобразным предводителем идеалистического лагеря, враждебного выдвигаемому им реализму, что обуславливает эпизодически возникающие резкие оценки идей античного классика. В «Человеческом познании» Рассел пишет:

Только на небесах Платона могли бы мы увидеть *кошку* вообще, ненавидящую *собаку* вообще. У нас на земле существует множество фактов, в силу которых оно является истинным, но эти факты не могут быть восприняты все сразу².

Математическая логика, и в особенности теория логического атомизма, имеет в своей основе эмпирический базис, а, как известно, британские классические эмпирики критически относились к

² Рассел 1997: 129.

допущению абстрактных, или отвлеченных, идей. В порыве критической запальчивости Рассел однажды пишет:

Час беседы с Галилеем или Ньютоном даст вам больше в понимании истории философии, чем год, проведенный с Платоном и Аристотелем³.

Задачей Рассела является коренная реформа логики, призванная выбить из-под нее идеальную основу и свести к теории дескриптивного языка, в основе которого лежит понятие «*факт*», а не понятие «идея».

Здесь, правда, изначально налицо внутреннее противоречие. Как мы видим из приведенного суждения Рассела, в онтологическом (эпистемологическом) отношении предложенная им теория является решительной оппозицией платонизму. Факт как имеющая определенность и фиксируемая область природы не включает в свое определение понятие идеальной сущности. Наоборот, в основе такой логики лежит реалистическое положение (выдвинутое впервые Дж. Муром), согласно которому факт существует совершенно независимо от любого описания, наименования и теоретического осмысления. Отсюда очевидная эмпирическая и сциентистская ориентация аналитической философии, выдвигаемое учение об «*описательной*» сущности логического языка.

При всей несовместимости оснований платонистской и раселианской логики можно обнаружить существенное подобие. Ведь, по большому счету, в логическом языке аналитической философии меняется только онтологический базис. *По своей же форме* этот язык соответствует тем требованиям, которые выдвинул Платон. Ведь не зря критики и теоретики называют язык *Principia Mathematica* или «Логико-философского трактата» *идеальным языком*. Не будет натяжкой предположить, что и язык «Кратила», и логические языки аналитической философии должны удовлетворять некоторым одним и тем же требованиям:

³ Рассел 1999с: 18.

- универсальность;
- всеобщность;
- однозначность значений имен;
- простота и рациональность.

И по своей формальной сути, и в качестве идеала дух платонизма сохраняется в первых языках математической логики. Особенно это очевидно при попытках метафизического обоснования логического языка. В своей книге «Проблемы философии» Рассел посвящает главу понятию «универсалия», в которой признает необходимость этого понятия для любого логического языка.

Мир универсалий, таким образом, может быть описан как мир бытия, неизменный, строгий, точный, увлекательный для математика, логика, творца метафизических систем и для всех, возлюбивших совершенство больше жизни⁴.

Универсалии в математической логике, по своей формальной сути, остаются все теми же «сущностями» платоновского «Кратила». Их *логическое* бытие остается тем же самым, несмотря на то, что их *онтологическое* бытие существенно меняется: теперь универсалии не мировые сущности, а только элементы логического, языкового пространства. Если исторически «забежать вперед», то здесь уже можно предвидеть будущий отрыв «чистой» семантики от эпистемологии и метафизики, который в 1930-е годы был предпринят Айером, Поппером, Тарским, Куайном, а отчасти и самими Расселом и Витгенштейном.

В концептуальном пространстве ранней аналитической философии далеко не все были такими последовательными и радикальными реалистами, как Мур и Рассел. Позиции некоторых философов-аналитиков, их учения о языке близки платонизму не только в формально-логическом, но и в онтологическом отношении. Г. Фреге — не аналитический философ, но он занимает особое положение, поскольку его семантические идеи повлияли

⁴ Рассел 1914: 74.

на все без исключения логические системы, созданные в аналитической философии. Отвергая гегельянство и феноменологию Гуссерля в вопросе о наличии чистых сущностей, Фреге, тем не менее, не склонен к переходу на позиции реализма. Он выдвигает несколько утопическое, но не лишенное рационального зерна требование того, что логический язык должен иметь исключительно *логические* основания. Основанием логики, по Фреге, является сфера «мысли» (мыслимого, осмысленного). Он пишет:

Мысль нельзя признать истинной, пока она не постигнута. Любая истинная мысль была истинна еще до того, как она была постигнута каким-то человеком. Мысль не нуждается в человеке как некоем носителе»⁵.

Тем самым Фреге постулирует своеобразный *семантический платонизм*, который учит о том, что логика занимается наименованием и определением сферы мыслей, которая является объективной. В данном случае установление и смысла, и значения являются *деятельностью* по прояснению смысла, к созданию единственно возможного логического языка, описывающего мироздание (что, на наш взгляд, чутко воспринял Витгенштейн). Этот аспект учения подчеркивает один из крупнейших отечественных интерпретаторов логики Фреге Б.В. Бирюков:

Противник субъективизма, психологизма и эмпиризма, Фреге занял в философии математики позицию так называемого *математического платонизма* или *реализма*⁶.

Тем самым семантический (математический) платонизм Фреге оказывает существенное воздействие на все логические языки аналитической философии; вопрос лишь в степени этого воздействия.

⁵ Фреге 2000: 375.

⁶ Бирюков 2000: 37.

Очевидное влияние платонизма испытывает и А.Н. Уайтхед — один из авторов логического языка *Principia Mathematica*. Онтология Уайтхеда зачастую стоит особняком в аналитической философии и мало связывается с его математикой; однако, на наш взгляд, это одно из самых ярких «платонистских» проявлений облика аналитической философии, которое сущностно вытекает из ее природы. Речь идет о теории *вечных объектов*. Уайтхед пишет:

Метафизический статус вечного объекта состоит в том, что он представляет собой возможность для действительности⁷.

Не вдаваясь в детальное исследование, которое могло бы нас увести от темы, отметим, что вечные объекты являются *сущностью* фактов и явлений. Если это и не платоновские идеи, то нечто довольно близкое им. Мотив предположения Уайтхеда таков: логика не может базироваться на сфере изменчивых фактов; ей требуется более глубокое и прочное основание, прежде всего для обоснования принципа однозначности. Поэтому Уайтхед не отвергает, а, наоборот, допускает существование идей:

Мы подчеркиваем изначальный характер вселенной. У этого характера две стороны: одной является смертный мир становящихся фактов, приобретающих бессмертие реализованной ценности, а другой стороной является вневременный мир чистой возможности получения вневременной реализации. Мостом между обоими оказывается двусторонняя Идея⁸.

В отличие от Рассела и Витгенштейна, отвергавших идеальный мир и довольствовавшихся миром фактов, а также онтологически индифферентного Фреге, Уайтхед может считаться тем аналитическим философом, который сделал наиболее последовательные платонистские выводы в области онтологического обоснования

⁷ Уайтхед 1990: 220.

⁸ Уайтхед 1990: 310.

семантики. Для него не только язык, но мир требует укорененности в объективном мире сущностей. Учение Уайтхеда о вечных объектах ставит вопрос о необходимости не только логики, но и метафизики языковых сущностей. Будучи исторически периферийной ветвью развития аналитической философии, онтология Уайтхеда обнажает *зависимость* логики от онтологии, вопреки кажущейся независимости, которую декларируют представители «чистой» семантики: Рассел, Витгенштейн, Айер, Тарский и др. Анализ идей Фреге и Уайтхеда убеждает нас, что и в области *метафизического оправдания идеального логического языка* платонизм является как нельзя более востребованным.

Теперь мы переходим к теории имен. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» определяет мысль следующим образом: «Логический образ фактов есть мысль»⁹. Поскольку мысль как элемент логики есть понятие, то ключевым оказывается вопрос *наименования*, то есть процедуры задания и определения логического имени. Область логического наименования, в отличие от эпистемологии языка, не испытывает существенного влияния эмпиризма; влияние платоновских идей на этот раздел аналитической философии языка более очевидно и значительно.

Рассел предлагает теорию наименования, которую можно метафорически назвать «теорией Адама». Как известно, Бог показывал Адаму зверей, которым присваивались имена. Подобная теория выдвигается в «Кратиле». Платон пишет:

Ведь ясно, что первый учредитель имен устанавливал их в соответствии с тем, как он постигал вещи?¹⁰

Высказывание Платона: «как он постигал вещи» подразумевает не субъективное понимание, а понимание сущности вещей, то есть речь идет о сознании «учредителя», Демиурга. В диалоге следуют пространственные рассуждения о том, что многие слова

⁹ Витгенштейн 1958: § 3.

¹⁰ *Cra.* 436b.

древнегреческого языка, а также наименования богов, даны закономерно и этимологически отражают сущности. Будь наши души совершенными и похожими на душу «первого учредителя», мы, по Платону, вообще могли бы обойтись без языка, оперируя чистыми сущностями. Об этом пишет Платон: «Можно, видимо, изучить вещи и без имен»¹¹. Подытоживая учение Платона, можно допустить следующее: имена являются необходимыми, поскольку с их помощью можно передать смысл сущностей. Если вернуться в контекст аналитической философии, то следует вспомнить С. Крипке, который в своем труде «Именование и необходимость» выдвигает платоновский по своей сути вопрос: Насколько необходимо соответствующее наименование? Этот вопрос является существенным для любой логической теории аналитической философии.

Обратимся к тем примерам из логических трудов Рассела, в которых фигурирует имя «Сократ». Поскольку Рассел увязывает теорию дескрипций с учением о знании по знакомству, представляется важным то, что мы не являемся знакомыми с Сократом:

Мы не знакомы с Сократом и, стало быть, не можем именовать его. Употребляя слово 'Сократ', мы на самом деле используем дескрипцию¹².

Дескриптивны любые описания Сократа: Сократ — человек, древний грек, афинянин, философ, учитель Платона и т.д. В дальнейшем Рассел усложняет вопрос, вводя проблему тавтологии:

Предложение «'Сократ' является именем Сократа» не является тавтологией; вы усваиваете суждение подобного вида, когда вам представляют личность, о которой вы никогда не слышали. Когда слово 'Сократ' не заключено в кавычки, вы говорите о человеке, а не о слове¹³.

¹¹ *Cra.* 438e.

¹² Рассел 1999a: 26.

¹³ Рассел 1999b: 302.

Тем самым для Рассела принципиально важно провести различие между человеком Сократом и именем 'Сократ'. На уровне обыденного языка, как показал Витгенштейн, такая проблема отсутствует. Существует всеобщее конвенциональное согласие о том, что Сократ существовал и является одной из крупнейших персон в истории Древней Греции. Тем не менее, возникает качественная разница между описаниями непосредственно знакомых сущностей и тех сущностей, которые прямо не воспринимаются. По мнению Рассела, только уточнение дескрипций, равно как и элиминация из языка всех имен, не являющихся обозначениями фактов, способна сделать язык логики строгим.

Расселовская теория имен оказывается радикальной по отношению к тем случаям, когда у нас имеются серьезные и неразрешимые затруднения относительно определения того, описываются ли факты вообще. К примеру, такие затруднения могут возникнуть с литературными описаниями. Фреге приводит следующее затруднение:

Предложение «Одиссей был высажен на берег Итаки крепко спящим», очевидно, имеет смысл. Но так как весьма сомнительно, чтобы встречающееся в нем имя 'Одиссей' имело значение, сомнительно также, чтобы и все предложение имело какое-то значение <...> Мысль остается той же, независимо от того, имеет ли имя 'Одиссей' значение или нет¹⁴.

Теория Фреге, если и отвергает платоновские идеи, то, очевидно, в более «мягкой» форме. Рассел не может допустить оперирование именем 'Одиссей', поскольку у нас нет доказательств в существовании такого человека. Ситуация с Одиссеем аналогична с известным примером Рассела: «Современный король Франции лысый», суждения о котором оказываются ложными во всех случаях, вследствие несуществования такого короля. Однако, по Фреге, Одиссей не может быть однозначно назван «вымышленным» и не существующим персонажем. Скорее, правильно судить так:

¹⁴ Фреге 2000: 234.

Одиссей, возможно, существовал. Налицо модальность, которую Фреге решает уже известным нам путем: суждения об Одиссее вполне осмысленны, но сомнительно, что они что-либо означают. Сходное усложнение, влекущее за собой «либерализацию» наименования, постигло и теорию Витгенштейна. Как отмечает Я. Хинтикка:

В *Трактате* связи между миром и языком фиксируются отношениями между именем и объектом. А теперь эти самые отношения, согласно новому взгляду Витгенштейна, составляются и утверждаются определенной человеческой деятельностью по определенным правилам, которая могла бы быть названа «обычаями» или «установлениями»¹⁵.

Поздний Витгенштейн допускает конвенциональную процедуру наименования (которая, безусловно, все равно основывается на веских причинах). Это затруднение усматривает и П. Стросон: «Очевидно, что не все случаи идентификации индивида — случаи демонстративной идентификации»¹⁶, — считает он.

Тем самым радикальный подход раннего Рассела, требующего элиминации всего, что не может быть установлено дескриптивно, существует на фоне теорий, в которых подобные запреты либо отсутствуют, либо выведены в более слабой форме. Здесь опять можно обратиться к Платону, который, как предполагает Р.В. Светлов, выступает сторонником строгих и однозначных определений имен:

Сократ ставит вопрос об однозначном соответствии атомарных «фактов», данных нам в ощущениях, их наименованиям (что явно напоминает «лингвистический атомизм» раннего Витгенштейна)¹⁷.

Возможно, такая аналогия со стороны знатока и исследователя античной философии покажется излишне смелой. Однако здесь

¹⁵ Хинтикка 2015: 48.

¹⁶ Strawson 1959: 19.

¹⁷ Светлов 2012: 64.

есть рациональное зерно. Картина языка в «Кратиле», «Теэтете» и других диалогах если не «атомистическая», то имеет атомистический образ. Платон проводит следующий принцип: для каждой идеи должно быть одно (и только одно) имя в языке; то есть реализуется выдвинутый Расселом и Витгенштейном принцип *замещения*, когда в логическом пространстве имя выступает в качестве эквивалента соответствующей сущности. И здесь опять следует повторить мысль, выдвинутую в начале статьи: налицо очевидное формальное и методологическое подобие в понимании наименования и структуры языка между Платоном и аналитическими философами. На общем фоне Рассел выглядит наиболее радикальным критиком онтологии платонизма, но и он подвержен «духу» этого учения. Как подчеркивает итальянский аналитический философ Гаэтано Ликата:

Рассел создает логическое понимание чисто экстенционального языка, в котором прямое соответствие является необходимым условием, а семантическая невинность должным допущением¹⁸.

В какой-то степени Рассел до конца жизни считал, что Фреге, Витгенштейн, Тарский, Куайн и другие логики изменили духу аналитического реализма, совершив уступки по отношению к идеализму и отвлеченному логицизму. Однако важно и то, что расселовская теория «буксует» в вопросах трактовки воображаемых, возможных сущностей, априорных дедуктивных понятий, а также понятий, основанных на свидетельствах других людей. Платоновская теория избегает этой трудности, поскольку, как утверждается, ничего осмысленного не может возникнуть случайно. Любое имя оказывается обозначением той или иной идеи, которая уже существовала, но не была артикулирована в языке и только на определенном этапе вступила в стадию «припоминания». По этому поводу можно привести замечание М. Даммита, который пишет:

¹⁸ Licata 2011: 153.

Платонизм, взятый в качестве философии математики, основан на простом фундаменте: сходстве между постижением математической истины и восприятием физических объектов, то есть математической природе физической вселенной. Для платоника математические суждения истинны или ложны независимо от нашего познания их истинности¹⁹.

Если принять предположение, что язык является образом мира, то целый ряд теоретиков математической логики (включая Фреге, Витгенштейна и др.) были, по своей сути, явными платониками, только понимали платонизм в «математическом» смысле — как учение об объективном характере оснований логического языка. Даже Рассел, сомневающийся в наличии особой онтологии языка, всецело находится под властью математического идеала. Во всех своих сочинениях он «эстетизирует» образ логики и математики, воспевая красоту и совершенство строгой логической мысли. Деятельность же логика Рассел превозносит как имеющую общечеловеческое значение работу по созданию совершенного языка; при этом пафос Рассела вполне совпадает с пафосом относительно роли философа, свойственным платоновскому Сократу.

Наше предположение состоит в том, что платонизм и аналитическая философия родственны в трактовке логического символизма. Вспомним, что одна из основных задач логического языка «Трактата» — задать критерии такого языка, при котором был бы возможен *точный* символизм. В основе точного символизма, как мы уже показали, лежат принципы соответствия и замещения. «При логически корректном символизме всегда имеется определенное тождество структур факта и его символа»²⁰, — считает Рассел. Мы предлагаем перечитать высказывание Рассела, заменив всего лишь одно слово: слово «факт» на слово «идея». На наш взгляд, в онтологическом смысле произойдет радикальное изменение, но в *формально-логическом* смысле никакого изменения не произойдет. Ведь в этом отношении базисным является вовсе не

¹⁹ Dummett 1978: 202.

²⁰ Рассел 1999а: 22.

факт или идея, а отношение *тождества*, остающееся, как таковое, прежним. Следовательно, в формальном отношении, символизм математической логики остается платонистским по сути. Конечно, такое предположение следует принимать осторожно. Рассел справедливо полагает, что идеалисты склонны переоценивать логический символизм, приписывая именам «особые» свойства, вплоть до допущения особого логического уровня бытия. В результате возникает опасность приписывать предмету свойства символа. Как нам кажется, такое возражение можно отнести к гегельянцам и феноменологам; Платон же остается неуязвимым. Ведь у Платона сущности имеют абсолютный характер. По своей сути они совершенно не зависят от того, как их называют. Наоборот, Платон стремится показать, что лишь те наименования достоверны, которые даже на этимологическом уровне отображают сущности.

Несмотря на формальное подобие, можно указать на существенное отличие аналитической логики от платонизма. В логике аналитиков высказывание играет только *языковую* роль, не имея стремления что-либо вносить в бытие мира. «Центральная идея теории дескрипций состояла в том, что фраза может обуславливать значение предложения, не имея сама по себе никакого значения»²¹. У Платона, конечно, не так. Не только имена, но и определения имеют значения, поскольку устанавливают «внутренние» отношения между идеями. Рассел и Витгенштейн (в «Трактате») предлагают «картинную» теорию логического языка. Высказывания — лишь «картина» фактов, которая может оказаться удачной и даже очень точной копией, никак не влияя при этом на сам факт. На этом фоне наблюдается «математизация» учения Платона о сущностях; в области логики Платон является основоположником строгих и точных («математических») определений. Это подразумевает Уайтхед. Он пишет:

Но есть еще один вопрос, который, я уверен, заинтересовал бы Платона, если бы он знал алгебру. Кто же изобрел те фундамен-

²¹ Рассел 1993: 27.

тальные идеи, которые были подобным образом символизированы?²²

Уайтхед здесь выражает общее для аналитических философов суждение о том, что логика и математика являются предельным выражением свободы человеческого ума. Как нам кажется, у Платона все несколько иначе: признается высокая значимость логики, но нет никакого *логицизма*. Логическое рассуждение, по Платону, — лишь одна из форм деятельности разумного человека; логическому описанию не придается исключительного значения. Наоборот, Платон в «Государстве» склонен даже предостерегать от излишнего увлечения науками и искусствами, которые могут разрушить гармоническую целостность личности и особенно отвлечь от общественно полезной политической и военной деятельности. В суждении же Уайтхеда очевиден приоритет логики и математики в философии; но эта ограниченность является существенной, характерной чертой самой аналитической философии, особенно на ее раннем этапе.

Впоследствии аналитическая философия начинает отходить от идеала точного символизма, в формальном отношении теряя платонистские черты. Так, к примеру, поздний Уайтхед отмечает: «В языке наличествует некая неопределенность символизма»²³. Подобная эволюция свойственна для Рассела, Витгенштейна, Карнапа, Айера, Поппера и других логиков. Критерии строгости дескрипций постепенно смягчаются, имя приобретает все более нестрогое значение, на определенном этапе уже не являясь «образом» мира. К примеру, Витгенштейн отмечает:

Знаки, например, в алгебре логики могут быть заменены любыми другими, и мы не станем переживать это²⁴.

Символизм приобретает исключительно языковые черты, и сам логический язык теряет такое качество, как *универсальность*, ока-

²² Уайтхед 1990: 328.

²³ Уайтхед 1999: 60.

²⁴ Витгенштейн 1994: § 167.

зываясь лишь одним из возможных языков. Путь к логическому плюрализму (и даже релятивизму) оказался исторически неизбежным вследствие внутреннего противоречия, присущему теориям идеального языка: всеобщность и всеохватность такого языка вступает в неразрешимое противоречие с принципом эпистемологической нейтральности такого языка, признания за ним исключительно языковой, семантической роли.

На наш взгляд, в платонизме утверждается неизбежность мира объективных и идеальных сущностей, которая в логическом смысле дает основание истинности любых значений и определений. Как отмечает крупнейший предшественник аналитической философии Ф.Г. Брэдли (споры с философией которого во многом сформировали раннюю аналитическую традицию): «Вне истины самой по себе не может быть критерия истины»²⁵. В теории идеального языка присутствовал семантический монизм, который роднил аналитическую философию с идеями Платона: утверждалось, что лишь на *таком* языке можно предложить истинные высказывания. Если обратиться к «Кратилу», то платоновский Сократ не испытывает никаких сомнений по поводу того, что, к примеру, существуют именно такие имена богов, а не другие. Наоборот, они и должны быть только такими, поскольку существует только один способ правильного наименования сущностей.

При этом в аналитической философии ставится вопрос, который на уровне логики до того не ставился: является ли мыслимое существование имени достаточным условием для того, чтобы допустить существование за пределами мысли? Обратимся к примеру Рассела:

Общие пропозиции должны интерпретироваться как не затрагивающие существования. Когда, например, я говорю: «Все греки являются людьми», я не хочу, чтобы вы предполагали, что эта пропозиция влечет существование греков²⁶.

²⁵ Bradley 1914: 345.

²⁶ Рассел 1999а: 54.

Поздний Витгенштейн, а до него Юм, указывали на так называемую «обычность обстоятельств», то есть ситуацию, когда уже при произнесении имени не возникает никаких сомнений в существовании подразумеваемого содержания. По этому поводу Юм пишет:

Мы не можем продолжать свои выводы *in infinitum*, но единственное, что может положить им конец, — это впечатление памяти или чувств, за которыми уже нет места сомнениям и вопросам²⁷.

Предположение в только что приведенном суждении Рассела оказывается революционным, «разрывая» шаблоны лингвистической привычки. Суть учения в том, что никакое значение не может быть допущено *ad hoc*, без введения через дескрипцию. Так, по мнению Рассела, можно просто избавиться от мнимых и воображаемых сущностей. В идеале должны присутствовать только те имена, которые обозначают факты, а предмет этих фактов должен быть непосредственно знакомым. Здесь, как предполагает А. Айер, «объяснение Расселом понятия истины ведет к онтологической проблеме»²⁸. Диалоги Платона — столь обширный свод, что в нем можно найти практически любые аналогии (не зря Уайтхед назвал всю мировую философию сплошным примечанием к Платону). Однако в такой форме Платон проблему не ставит. Правда, в «Кратиле» утверждается *возможность* давать имена не с точки зрения сущности, а произвольно (платоновский Сократ приводит примеры того, как одно и то же по-разному именуется у греков и варваров, или греков из разных полисов); но такая возможность признается вводящей ум в заблуждения.

В теории дескрипций Рассел отмечает, что для логика необходимо особое чувство меры, когда понятия вводятся осторожно, на основе строгих и проверенных фактов. В своей интерпретации идей Рассела Айер вводит термин «*платонический реализм*», согласно которому

²⁷ Юм 1996: 139.

²⁸ Ayer 1971: 109.

всё, что может быть упомянуто, является, можно сказать, термином. Любой термин может быть логическим субъектом высказывания, и всё, что может быть логическим субъектом высказывания, включая несуществующие сущности типа единорогов, или даже логически невозможные сущности типа наибольшего числа, наделяется бытием, в том или ином смысле. Следовательно, Рассел пришел к мысли, что столь крайняя терпимость к умножению сущностей показывает, как он утверждает, недостаток чувства реальности, которое должно проявляться даже в самых абстрактных науках²⁹.

«Чувство реальности» является естественным регулятором для допущения имен в язык. Как отмечает А. Коффа: «Рассел никогда не смог сжиться с тем фактом, что значение не может быть составлено из фрагментов реального мира»³⁰. Идея Рассела о тождестве высказываний и фактов, тем не менее, никогда не выводилась им прямо. Как нам кажется, присутствует озвученная Витгенштейн-ном идея «замещения» именем факта в языке.

Как мы знаем, все теоретики идеального языка в своей эволюции пришли к учению о языковом плюрализме. Подобный подход, с нашей точки зрения, глубоко чужд ранней аналитической философии. В логических теориях Фреге, Рассела, Мура, Уайтхеда, Рамзея, Броуда, Поппера, раннего Витгенштейна, раннего Айера и др. предлагается проект единственного в своем роде идеального логического языка, лежащего в основе всех наук. В утверждении подобного *логического универсализма* ранняя аналитическая философия, как мы попытались показать, имеет целый ряд характерных черт, которые роднят ее с платоновской философией.

В заключение еще раз подытожим, обозначив выводы, к которым мы пришли в ходе проведенного исследования:

- Идеи Платона оказывают существенное влияние на раннюю аналитическую философию. При этом теория идеальных сущностей отвергается (или принимается с оговорками), тогда как теория наименования заимствуется и получает дальнейшее развитие.

²⁹ Ayer 1984: 24.

³⁰ Коффа 2019: 123.

- Отношение к платонизму амбивалентно. В онтологическом (эпистемологическом) отношении платонизм, в целом, отвергается. Однако в учениях Фреге и Уайтхеда предпринимается попытка совмещения идей логики, математики и семантики с онтологическим допущением объективного существования идей.
- В логическом отношении ранняя аналитическая философия заимствует принципы, выведенные в «Кратиле»: универсальность, всеобщность, однозначность определений имен, простота и рациональность определений.
- Показано существенное сходство в трактовке понятия «наименование». У Платона и ранних философов-аналитиков присутствует отношение замещения, когда в логическом пространстве имя выступает в качестве эквивалента соответствующей сущности.
- Показано, что в формальном отношении символизм математической логики ранних аналитических философов остается платонистским по своей сути.
- Обосновано предположение о том, что семантический монизм идеального логического языка конгениален языковому универсализму, который выводится в платоновском «Кратиле».
- Показано, что платонизм в ранней аналитической философии трансформируется, приобретая математический и семантический характер.
- В историко-философском смысле делается предположение, что устойчивое мнение о «враждебности» ранней аналитической философии платонизму (сформировавшееся под влиянием полемических выпадов Рассела) требует корректировки и пересмотра. Открывается перспектива дальнейшего исследования платоновских корней аналитической философии языка.

Литература

- Бирюков, Б.В. (2000), “Готтлоб Фреге: современный взгляд”, in Г. Фреге, *Логика и логическая семантика. Сборник трудов*, 8–62. М.: Аспект Пресс.
- Витгенштейн, Л. (1958), *Логико-философский трактат*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Витгенштейн, Л. (1994), “Философские исследования”, in Id., *Философские работы*. Часть I, 75–320. М.: Гнозис.

- Коффа, А. (2019), *Семантическая традиция от Канта до Карнапа. К Венскому вокзалу*. М.: Канон Плюс.
- Рассел, Б. (1914), *Проблемы философии*. СПб.: Типография Ф. Маркса.
- Рассел, Б. (1993), *Мое философское развитие (главы 5–7)*, in А.Ф. Грязнов (ред.), *Аналитическая философия. Избранные тексты*, 11–27. М.: Изд-во Московского университета.
- Рассел, Б. (1997), *Человеческое познание. Его сфера и границы*. Киев: Ника-Центр.
- Рассел, Б. (1999а), *Философия логического атомизма*. Томск: Водолей.
- Рассел, Б. (1999b), *Исследование значения и истины*. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Рассел, Б. (1999с), “Искусство философствования”, in Id., *Искусство мыслить*, 13–82. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Светлов, Р.В. (2012), “«Критика языка» в «Тезете» и проблема лингвистического атомизма”, in С.В. Никоненко (ред.), *Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России*, 62–66. СПб.: Издательство философского факультета СПбГУ.
- Уайтхед, А.Н. (1990), *Избранные работы по философии*. М.: Прогресс.
- Уайтхед, А.Н. (1999), *Символизм, его смысл и воздействие*. Томск: Водолей.
- Фреге, Г. (2000), *Логика и логическая семантика. Сборник трудов*. М.: Аспект Пресс.
- Хинтиikka, Я. (2012), “О Витгенштейне”, in Я. Хинтиikka, *О Витгенштейне; Л. Витгенштейн, Из текстов и заметок*. М.: Канон Плюс.
- Юм, Д. (1996), *Сочинения в 2 томах*. Т. 1. М.: Мысль.
- Ayer, A.J. (1971), *Russell and Moore: The Analytical Heritage*. Harvard University Press.
- Ayer, A.J. (1984), *Philosophy in the Twentieth Century*. London: Weidenfeld.
- Bradley, F.H. (1914), *Essays on Truth and Reality*. Oxford: Clarendon Press.
- Dummett, M. (1978), “Platonism”, in M. Dummett, *Truth and Other Enigmas*, 198–206. Harvard University Press.
- Kripke, S. (1980), *Naming and Necessity*. Harvard University Press.
- Licata, G. (2011), *Truth and Facts. Rejection of the Slingshot Argument in the Defense of the Correspondence Theory of Truth*. Roma: Aracne.
- Rockmore, T. (2004), *On Foundationalism: A Strategy for Metaphysical Realism*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Russell, B.; Whitehead, A.N. (1963), *Principia Mathematica*. Cambridge University Press.
- Strawson, P.F. (1959), *Individuals*. New York University Press.